

Благодарности

Прежде всего я хотел бы выразить признательность моей коллеге и другу Лори Г. Биман, которая не только подтолкнула меня к написанию этой книги, но и терпеливо наставляла и подбадривала меня в период работы над ней. Я не думаю, что смог бы завершить эту книгу без ее постоянной поддержки.

Я также хочу поблагодарить Валери Амиро, Брижит Басдеван-Годеме, Ксавье Дельгранжа, Элен Лерусель, Шарля Мерсье, Стефани Новак, Клода Прошеля, Сару Тентюрье и Венсана Валентина, сотрудничество и дискуссии с которыми в течение последних нескольких лет питали мои мысли во время написания этой книги о французском секуляризме.

Основная часть работы проходила в Центре Витторе Бранки (программа «Сравнительные исследования культур и духовности») Фонда Джорджии Чини в Венеции. Я благодарю это учреждение и особенно Франческо Пираино, который принимал меня в течение нескольких недель и предоставил оптимальные условия для работы над проектом. Благодарю также Луи Маркиза, декана юридического факультета Шербрукского университета, чья поддержка сыграла решающую роль в поиске ресурсов для завершения работы.

Наконец, я искренне благодарю Александра Мальте; без его терпения, присутствия и постоянной поддержки я не смог бы выложиться в этом проекте по максимуму.

Введение

Подводная часть айсберга

Аннотация: эта книга предпринимает попытку всесторонне задокументировать те многочисленные области, в которых играет свою роль французский секуляризм — споры о «культах», капелланская служба в государственных учреждениях, руководство деятельностью в культовых сооружениях, признание религиозных объединений и многие другие. Прodelанная работа не ограничивается рассмотрением лишь мусульманского вопроса. Хотя последний, несомненно, способствовал изменениям французского секуляризма в последние десятилетия, это далеко не единственный актуальный вопрос. В книге через призму социологии будут рассмотрены основные политические и правовые конфигурации, которые принял французский секуляризм за последние 30 лет, чтобы лучше задокументировать его разнообразие. Такой портрет нужен нам, чтобы подчеркнуть, что французский секуляризм не является однородным явлением, его разновидности отличаются по своему происхождению, составу и целям, следовательно и проявляют они себя все по-разному. Нам стоит говорить именно о французских секуляризмах — то есть во множественном числе.

Секуляризм как политический организующий принцип является фундаментальным для Французской республики. Он подразумевает, что государство должно быть отделено от религиозных деноминаций и нейтрально настроено по отношению к ним, а также что оно должно гарантировать свободу вероисповедания для всех граждан, независимо от их убеждений. Несмотря на то

что когда-то этот принцип оспаривался, сегодня он широко, возможно, даже повсеместно, принят как в политической сфере, так и в обществе в целом. Однако способы его реализации продолжают вызывать споры в стране все большего религиозного разнообразия.

В последние десятилетия споры разгораются вокруг внешнего выражения верований религиозных меньшинств, в первую очередь мусульман, чья одежда (хиджаб, никаб, буркини и т. д.), «уличные молитвы» или запросы на строительство мечетей привлекли внимание СМИ и поляризовали политические дебаты. Поскольку в связи с преобразованием или сносом христианских культовых сооружений видимость религиозных символов, связанных с большинством, снизилась, повышенная видимость ислама порождала и подпитывала среди определенных слоев населения ощущение, что культурная и религиозная идентичность большинства стирается. О последнем свидетельствует и растущая популярность нездоровой расистской теории, известной как «великое замещение», которая утверждает, что происходит цивилизационный сдвиг, характеризующийся заменой в составе населения страны европейского, конкретно французского, неевропейским — в первую очередь африканским — компонентом.

Эти идентитаристские опасения усугубляются событиями, происходящими на локальном уровне. Соседство, а также встречи в знакомых местах — на пляже или в общественных парках, школах или детских садах — с религиозными проявлениями, воспринимаемыми как «чуждые», у многих обостряют восприятие того, что ценности или идентичность «большинства» находятся под угрозой. Эти ценности возникают из повседневной жизни людей, из взаимодействий и ситуаций, с которыми они сталкиваются на работе или во время отдыха. Когда футболист, работник частного сектора или родитель, сопровождающий детей на школьной экскурсии, надевает мусульманский платок, этот случай объединяется с другими в популярный нарратив, который изолирует их от присущего им социального контекста.

Простые, обыденные, в целом безобидные ситуации, подобные этим, превращаются в «проблемы», требующие действий со стороны государственных органов. Раздаются призывы вернуться к «рационализму», к «модернистским» идеалам Просвещения, чтобы сохранить секулярное общество, которое стало слишком снисходительным и позволило поставить под угрозу саму свою суть, допустив возвращение религии в публичную сферу. Утверждается, что республика должна восстановить свою изначальную структуру вместе с соответствующими философскими, этическими и политическими паттернами; что она больше не может полагаться исключительно на логику фундаментальных прав для поддержания социальной сплоченности. Универсальность французского гражданства — необходимость для каждого отказаться, где это применимо, от других идентичностей — повторяется почти как заклинание, дабы отпугнуть новую видимость ислама и других религий.

И все же, как это ни парадоксально, религия одновременно оказывается вновь включенной в национальное воображение французов. Однако речь идет о религии большинства, и многие политики, в том числе высочайшего уровня, больше не стесняются ссылаться на иудео-христианскую историю и идентичность французской нации. Религиозные реликвии, свидетельствующие об этой истории, все чаще идентифицируются как часть французского культурного наследия в попытке легитимировать их присутствие и видимость в локальных и даже национальных государственных учреждениях. Этот защитный рефлекс обнаруживается, например, в спорах конца 2014 года, возникших из-за судебных исков против установки рождественских вертепов в некоторых общественных зданиях, где все религиозные проявления должны быть запрещены законом.

Французский секуляризм сегодня, таким образом, является принципом, находящимся в напряжении между, с одной стороны, его историческими, политическими и философскими якорями с их мощным символизмом и, с другой стороны, весьма конкретными и непосредственными социальными эффектами, которые ожидаются от его реализации, такими как интеграция, социаль-

ная сплоченность и эмансипация. В этой невероятной диалектике секуляризм становится центральным компонентом республиканской идентичности и иудео-христианской культуры, которая, как считается, является общей для французской нации. Нация реэтнизируется, так сказать, как иудео-христианская, и эта этничность затем провозглашается универсальной.

1. *Ceci n'est pas la laïcité française* (Это не французский секуляризм)

Все более напряженные дебаты вокруг вопросов видимости, несомненно, сделали понятие секуляризма центральным в публичных дебатах, но ценой этого стало значительное сужение его смысла.

Его бурное зарождение во Франции начала XX века произошло в контексте давнего конфликта между тем, что называлось «двумя Франциями»: старой католической, клерикальной нацией, все еще привязанной к монархии, и зарождающейся секулярной и антиклерикальной республикой. Несмотря на этот конфликт, разделение церквей и государства было установлено в 1905 году довольно либеральным законом, который гарантировал свободу вероисповедания и ставил все религии в равное положение. И сегодня этот либеральный дух можно почувствовать в определенных аспектах государственно-религиозных отношений, таких как правовой режим, который применяется к культовым сооружениям, в большинстве своем финансируемым государством. Старый конфликт также можно почувствовать в таких мерах, как принятый в 2004 году закон, запрещающий ношение заметных символов в государственных школах, или закон 2010 года, запрещающий сокрытие лица в общественных местах. Монополизируя публичные, а часто и академические дебаты, перечисленные резонансные законы выдвинули это спорное наследие на передний план.

Получается, что эти недавние законы сами по себе не воплощают суть французского секуляризма и не отражают сложность отношений государства с религиями. Это еще не вся картина.

Действительно, акцент, сделанный на этих текстах в публичных дебатах, оставил многие другие аспекты в тени; он скрывает глубокие изменения в том, как политические власти понимают и интерпретируют секуляризм, по крайней мере, в двух отношениях.

Во-первых, хотя законы о секуляризме времен Третьей республики (1870–1940), в частности Закон о разделении церквей и государства от 9 декабря 1905 года (*Loi du 9 décembre 1905 concernant la séparation des Églises et de l'Etat*; «Закон 1905 года»), появились в контексте возросшей напряженности между клерикальным и секулярным, они также вытекали из более широких размышлений об отношениях между государством и религиями (большинства и меньшинств), а также о свободах, которые должны быть предоставлены этим религиям (свобода совести; свобода и равенство вероисповедания). В последнее время большинство мер, связанных с секуляризмом, возникли из специального законодательства, призванного минимизировать видимость религий меньшинств и, следовательно, ограничить свободное выражение религиозных убеждений. Эти разрозненные меры можно объединить в рамках тенденции к перестройке того, что воспринимается как рушащийся секулярный фундамент; эти меры, как правило, сопровождаются звонкими, эмоционально заряженными призывами к защите морали и ценностей. Как результат, гораздо меньшее внимание привлек другой, сущностно секулярный, законопроект, который вышел за рамки символических жестов, чтобы преобразовать реальность отношений церквей и государства.

Рассмотрим Акт об укреплении принципов Республики, который был принят 24 июня 2021 года, в конце первого срока президентствования Эмманюэля Макрона. Среди законодательных мер последних десятилетий этот весьма сложный и полный юридических нюансов закон (к которому я еще вернусь в этой книге) заходит дальше всего в решении проблем секуляризма. Он ужесточает контроль над культовыми сооружениями и религиозными объединениями; выпускает руководства для домашнего обучения; вводит республиканский договор об обязательстве

соблюдать принципы республики для некоторых государственных должностей; изменяет международную систему признанных религий и многое другое. Эти меры представляют собой не что иное, как капитальный ремонт, как по форме, так и по духу, системы разделения церквей и государства, введенной в 1905 году. Другими словами, правовая основа секуляризма во Франции охватывает многие вопросы, не имеющие ничего общего с видимостью религии.

Во-вторых, самые громкие меры, сосредоточенные на религиозных символах и артефактах, стали одним из инструментов размыwania границ между государственной и общественной секуляризацией. С одной стороны, эти меры объединяют государственную эмансипацию с индивидуальной эмансипацией от религии. Выражая требование дистанцироваться от религии в обычных видах деятельности (работа, волонтерство), они перенесли борьбу за секуляризацию в частную сферу, к отдельным лицам, часто используя принудительные методы. С другой стороны, государство постоянно подвергало религиозную сферу политическому вмешательству, направленному на определение того, что ей свойственно, а что нет. Например, позволяя себе довольно сомнительную интерпретацию христианских символов (распятий, рождественских яслей, религиозных статуй), оно утверждало главенство их культурных и исторических измерений над религиозной символикой в попытке узаконить их присутствие в светских государственных учреждениях и зданиях [Zubrzycki 2016; Beaman 2020]. Говоря прямо, государство приложило усилия по секуляризации религии.

2. Французский секуляризм как многогранное явление

Как мы уже говорили, видимость религии (в частности, ислама) в сегодняшнем мире стала определять общественное восприятие секуляризма в целом и французского секуляризма в частности. Его упрощенный, урезанный образ, усиленный средствами массовой информации, французскими политиками и даже зарубежными учеными, должен быть исправлен. Однако

его популярность в сочетании с ростом популизма создает определенный риск развития эрозии прав и свобод и, соответственно, социальной ткани в целом.

Мы могли наблюдать это в Швейцарии в 2019 году, когда кантон Женева принял на всенародном референдуме «Закон о государственном секуляризме», первая глава которого была в основном посвящена запрету ношения государственными служащими и выборными должностными лицами религиозных символов во время их службы. В том же году столь же фрагментарное восприятие французского секуляризма привело к тому, что Национальная ассамблея Квебека приняла закон под пышным названием «Закон об уважении светскости государства», который не имеет ничего общего со структурой церковно-государственных отношений, а лишь запрещает ношение религиозных символов определенным категориям государственных служащих.

Зарубежная академическая литература по французскому секуляризму также имела тенденцию делать ислам и его символы центральной темой для анализа. Эта тенденция привела рассматриваемые исследования в различные ловушки. Немногие такие исследования, например, анализируют французский секуляризм с точки зрения отношений между государством и всеми другими конфессиями, будь то старые признанные религии — католицизм, иудаизм и протестантизм — или недавно появившиеся религиозные меньшинства. Тем не менее структурные роли, которые играют эти конфессии во французском секулярном ландшафте, получили достаточно места во французской академической литературе. Недавние исследования были сосредоточены на протестантах и иудеях, а также на напряженности между государством и католической церковью по современным общественным вопросам¹.

¹ Среди работ, посвященных протестантам, см. [Cabanel 2003; Fath 2005; Wil-laine 2010; Baubérot 2017]; иудеям — см. [Azria 2005; Klein 2015; Cohen 2016]. Разногласия по современным общественным вопросам между религией и государством были изучены в [Béraud, Portier 2015; Pelletier 2017; Pelletier 2005; Raison du Cleuziou 2019; Raison du Cleuziou 2020; Schlegel 2006].

Более того, ведущую роль ислама и бросающихся в глаза религиозных символов в публичных дебатах, как правило, затмевает разнообразие правовых конфигураций французского секуляризма. Этот конкретный вопрос был использован для создания общего стандарта секуляризма (или невидимости религии) для всех французских граждан. Значительная часть литературы по секуляризму, созданной за пределами Франции, фокусируется на его наиболее сепаратистских и антирелигиозных проявлениях. При этом в ней поддерживается идея о том, что французский секуляризм по сути своей противостоит религии, вплоть до того, что его называют «жестким» или «закоснелым» [Bouchard, Taylor 2008]. Однако эта позиция слишком груба и недостаточно чувствительна к сложности и неоднозначности церковно-государственных отношений во Франции. Юридическое признание, предоставленное некоторым религиям в некоторых частях страны (особенно в департаментах Верхний Рейн, Нижний Рейн и Мозель, а также в некоторых заморских департаментах и территориях), щедрость государства по отношению к культовым сооружениям и легитимность, которой пользуются эти религии на демократических форумах, как правило, подтверждают тезис о том, что существует не одна, а несколько моделей секуляризма, которые могут характеризоваться чем-то, кроме недоверия к религии.

В-третьих, призма, через которую французский секуляризм наблюдают из-за рубежа, не благоприятствует рассмотрению изобилующего законодательства, которое способствовало освобождению граждан от религиозных норм. Можно вспомнить, например, эпохальные законы в области этики и биоэтики, а также законы, которые были направлены на модернизацию семейного права, отбросившие религиозные нормы в правовом и политическом регулировании общества. Более того, эти законы часто боролись с религиозными движениями, как это, например, произошло в 2012 и 2013 годах с движением, называющим себя «La Manif pour Tous» (фр. «Протест для всех»), которое выступало против переосмысления светского брака. Закон от 17 мая 2013 года, легализовавший однополые браки, безусловно, стал

переломным моментом для французского секуляризма последнего десятилетия.

Принимая изложенные наблюдения как отправную точку, в этой книге я предпринимаю всестороннюю попытку задокументировать проявления французского секуляризма в различных областях: в дебатах о «культах», службах капелланов в государственных учреждениях, регулировании культовых сооружений, признании религиозных объединений и многом другом. Она не ограничивается рассмотрением мусульманского вопроса. Хотя последний, несомненно, изменил французский секуляризм в последние десятилетия, это далеко не единственная актуальная проблема.

Однако я не буду пытаться представить исчерпывающий анализ правовых отношений между государством и религиозными конфессиями. Такое предприятие было бы заранее обречено на провал, учитывая огромное количество правовых стратегий, принятых по религиозным вопросам на разных уровнях власти, а также схожее количество судебных решений о законности или конституционности различных мер. Вместо этого я рассмотрю основные политические и правовые конфигурации, принятые французским секуляризмом за последние 30 лет, через социологическую призму, чтобы лучше задокументировать его многообразие. Такой портрет поможет подчеркнуть, что французский секуляризм — это неоднородное явление, которое проявляется во множестве обликов. Мы должны говорить о французских секуляризмах во множественном числе.

3. Секуляризм как достояние

Постепенное медийное и политическое возведение ислама в статус проблемы, продолжавшееся последние 20 лет, стимулированное трагическими террористическими атаками, обрушившимися на Францию в середине 2010-х годов, значительно способствовало росту популистских движений и медленному просачиванию их политических программ в общество. Хотя французский секуляризм нельзя определить исключительно в терминах ислама и его статуса, ислам тем не менее стал призмой,

через которую сменяющие друг друга правительства вмешивались в регулирование вопросов религиозного разнообразия.

Этот период характеризуется сомнением в парадигмах, которые до сих пор, казалось, получали единодушное признание. Императив защиты общей истории, ценностей и наследия, которые теперь считаются находящимися под угрозой, все чаще используется в качестве аргумента против гарантий базовых прав. Политические власти стали систематически смешивать секуляризм с определенными этическими, философскими и культурными концепциями блага, тем самым искажая его традиционно либеральную сущность. С тех пор как начало закрепляться формально-правовое отношение к религии, эта тенденция часто находит отклик в национальных и международных судах, которые уже не всегда способны (или не имеют желания) позиционировать себя как оплоты прав и свобод. Иногда они даже соглашались на сужение сферы действия этих прав и свобод под предлогом обеспечения качества «совместной жизни» или гармонии сосуществования (*vivre-ensemble*). Границы этих концепций остаются туманными и плохо поддающимися объективному определению.

Секуляризм, таким образом, неуклонно преобразуется в нечто, напоминающее национальное достояние. Это преобразование происходит в общественном сознании, в том числе из-за работы, начатой политиками и завершенной судами, по делегитимации базовых прав под предлогом сохранения сплоченности национального сообщества. Традиционные схемы республиканского универсализма переосмысливаются, что приводит (как это ни парадоксально) к партикуляризированной версии французского секуляризма, которая все больше ассоциируется с защитой унаследованной национальной идентичности. Если что и приходит в упадок, так это не французское сообщество, а сам секуляризм. Столкнувшись с кризисом культурной идентичности и подвергнувшись нападкам популизма, он все больше отрывается от своих либеральных истоков и теряет свои претензии на универсальность. Автор этой книги занимает откровенно критическую позицию в отношении этих событий и новой структуры ценностей, направляющей сегодняшние правовые и политические конфигурации секуляризма.

4. План книги

Как можно понять секуляризм, если само слово никогда не было формально определено во французском законодательстве или конституционных текстах, а нормативные (философские, политические, даже религиозные) основания, связанные с ним, весьма разнообразны? С помощью каких теоретических инструментов его можно охарактеризовать в контексте, где его политические и правовые конфигурации разрозненны и постоянно трансформируются?

Первая часть книги решает эту задачу: в ней изложены зачатки теоретической и правовой основы французского секуляризма. От рассмотрения важных теоретических вкладов и обсуждений в академических и политических дебатах этой страны мы перейдем к изучению подробного описания выросшей из этого сложной правовой структуры.

Французский секуляризм, как обсуждалось ранее, сегодня часто понимается как политика, ограничивающая индивидуальное выражение религиозных убеждений, в частности, публичное ношение религиозных символов. Но это относительно новое направление академических изысканий в этой области; в течение многих лет французские исследования секуляризма были сосредоточены на отношениях между религиями — организованными общинами верующих, собирающихся для религиозного поклонения, — и государством. Это связано с историческими корнями этого явления. Закон о разделении церквей и государства от 9 декабря 1905 года установил гарантии свободы вероисповедания, даже несмотря на то что он положил конец системе признанных религий, которая преобладала при конкордатном режиме, установленном Наполеоном Бонапартом в 1801 году². Этот коллективный аспект вопроса и сегодня остается ключевым и решающим для разделения церквей и го-

² Конкордат Наполеона — соглашение между папой Пием VII и Французской республикой, подписанное 15 июля 1801 года, по которому католицизм был объявлен «религией большинства французов». — *Прим. ред.*

сударства, определяя его основные конфигурации. Французское государство сохранило, так сказать, габитус институционального признания религии. Вторая часть книги посвящена изучению этого вопроса.

Важным следствием является то, что избранные должностные лица и суды испытывают большие трудности с пониманием индивидуального отношения людей к своим убеждениям; они, как правило, склонны определять их через призму коллективной сплоченности, без учета взглядов самих верующих. Очень редко исламский религиозный символ интерпретируется государственными органами как отражение индивидуальной веры его носителя, его или ее личного отношения к трансцендентному божеству. Такие символы чаще рассматриваются как проявления политического ислама, коммунитаризма или прозелитизма. Вторая часть этой книги фокусируется на сложностях интерпретации, с которыми сталкивается французское светское государство, особенно в тех случаях, когда рассматриваемая религия не нормализована в культуре большинства; когда ее верующим предлагается соблюдать все бóльшую осмотрительность в обществе, даже ценой ущемления их прав и свобод.

Недавние акты международного терроризма, совершенные исламскими фундаменталистами, сделали этот вопрос еще более сложным. Угроза часто рассматривается воплощенной в фигурах отдельных верующих, «одиноких волков», которых необходимо идентифицировать как можно скорее, чтобы предотвратить еще более драматичные атаки. В этих напряженных условиях некоторые внешние признаки религиозности начинают выглядеть весьма подозрительными. Они интерпретируются как публичный отказ от определенных общих ценностей в лучшем случае или как признак антисоциальной радикализации — в худшем. В конце концов, именно свобода становится ценой этого вопроса.

Библиография

Azria 2005 — Azria R. Le judaïsme, contours et limites de la reconnaissance // Archives de sciences sociales des religions. 2005. Vol. 129. P. 135–150.

Baubérot 2017 — Baubérot J. De la sociologie-historique du protestantisme à la sociologie historique de la laïcité // Archives de sciences sociales des religions. 2017. Vol. 180. № 4. P. 51–68.

Beaman 2020 — Beaman L. G. The Transition of Religion to Culture in Law and Public Discourse. London: Routledge, 2020.

Béraud, Portier 2015 — Béraud C., Portier P. Métamorphoses catholiques: acteurs, enjeux et mobilisations depuis le mariage pour tous. Paris: Maison des Sciences de l'homme, 2015.

Bouchard, Taylor 2008 — Bouchard G., Taylor C. Building the Future: A Time for Reconciliation. Quebec: Commission de consultation sur les pratiques d'accommodement reliées aux différences culturelles, 2008.

Cabanel 2003 — Cabanel P. Le Dieu de la République: aux sources protestantes de la laïcité (1860–1900). Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2003.

Cohen 2016 — Cohen M. Pluralité du judaïsme dans une France plurielle: de nouveaux défis pour la laïcité // La Laïcité: des combats fondateurs aux enjeux d'aujourd'hui / Édité par J.-M. Ducomte, P. Tournemire. Toulouse: Privat, 2016. P. 99–114.

Fath 2005 — Fath S. De la non-reconnaissance à une demande de légitimation: le cas du protestantisme évangélique // Archives de sciences sociales des religions. 2005. Vol. 129. P. 151–162.

Klein 2015 — Klein L. Judaïsme, valeurs républicaines et laïcité // Administration & Éducation. 2015. Vol. 4. № 148. P. 105–109.

Pelletier 2005 — Les catholiques dans la République, 1905–2005 / Édité par D. Pelletier. Paris: l'Atelier, 2005.

Pelletier 2017 — Pelletier D. Les catholiques français, les politiques de la vie et la redéfinition de la sphère politique en France (1980–2017): le retour en politique des catholiques français // Religión, Laicidad y Sociedad en la Historia Contemporánea de España, Italia e Francia / Édité par P. Álvarez Lázaro, A. Ciampani, F. G. Sanz. Madrid: Universidad Pontificia Comillas, 2017. P. 395–410.

Raison du Cleuziou 2019 — Raison du Cleuziou Y. Une contre-révolution catholique: aux origines de La Manif pour tous. Paris: Seuil, 2019.

Raison du Cleuziou 2020 — Raison du Cleuziou Y. L'Église, fille aînée de la République? Les apologies de la catho-laïcité depuis les attentats de janvier

2015 // Nouveaux vocabulaires de la laïcité / Édité par D. Koussens, C. Mercier, V. Amiraux. Paris: Classiques Garnier, 2020. P. 59–75.

Schlegel 2006 — Schlegel J.-L. L'Église catholique de France et la laïcité // Revue politique et parlementaire. 2006. Vol. 1038. P. 67–75.

Willaime 2010 — Willaime J.-P. Le repositionnement laïque des Églises protestantes dans l'ultramodernité contemporaine // La modernité contre la religion? Pour une nouvelle approche de la laïcité / Édité par J. Lagrée, P. Portier. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2010. P. 113–125.

Zubrzycki 2016 — Zubrzycki G. Beheading the Saint: Nationalism, Religion, and Secularism in Quebec. Chicago: Chicago University Press, 2016.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru